

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

Ответственный за подбор *П. А. Кабанов* / Persons in charge of selection *P. A. Kabanov*

Редактор рубрики *Дж. Шаббар* / Rubric editor *J. Shabbar*

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.517-534>

УДК 343.121:343.131:364.442:347.9(739.8)

К. Р. Лепаж¹

¹ Университет штата Калифорния, г. Ист-Бэй, США

Измерение эффективности комплексной защиты: предоставление социальных услуг и результаты системы правосудия

Переводчик *Е. Н. Беляева*

Кори Р. Лепаж, Университет штата Калифорния в Ист-Бэй, кафедра уголовного правосудия, 25800 Carlos Bee Boulevard, Hayward, CA, 94542, USA
E-mail: cory.lepage@csueastbay.edu

Аннотация

Цель: анализ эффективности комплексной защиты обвиняемых в совершении преступлений, а также выработка рекомендаций по механизму его совершенствования.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический и социологический.

Результаты: модель комплексной общественной защиты более сложна, чем традиционная модель общественной защиты. Целью комплексной защиты является удовлетворение внеправовых потребностей, связанных с уголовным обвинением; она не концентрируется исключительно на проблемах обвинения по текущему уголовному делу. Эта модель представляет собой стратегию сотрудничества, которая обычно объединяет социальных работников и юристов по гражданским делам в одну команду с юристами по уголовным делам. Существующие исследования по проблемам комплексной защиты показали ее эффективность в работе с социальными и юридическими потребностями граждан, результатом которой явилось сокращение уровня рецидивизма и снижение затрат судебной системы.

© Лепаж К. Р., 2024. Впервые опубликовано на русском языке в журнале Russian Journal of Economics and Law (<https://rusjel.ru>) 25.06.2024

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica*. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Criminology, Criminal Justice, Law & Society (CCJLS)* и *The Western Society of Criminology*: CCJLS@WesternCriminology.org

Цитирование оригинала статьи на английском: Lepage, C. R. (2023). Measuring effectiveness of holistic defense: social service provision and justice system outcomes. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 24(1), 38–51.

URL публикации: <https://doi.org/10.54555/ccjls.7115.73939>

Научная новизна: в данной статье описывается и оценивается пилотный проект по внедрению модели комплексной защиты в юго-западном регионе Аляски в сравнении с аналогичными моделями, применяющимися в других юрисдикциях Соединенных Штатов Америки. Полученные результаты совпадают с выводами предыдущих исследований, которые показали, что удовлетворение внеправовых потребностей подзащитных имеет большое значение для снижения уровня рецидивизма и затрат, кроме того, улучшая исходы дел. В статье также обсуждаются вопросы практического применения модели и даются рекомендации для совершенствования оценки модели комплексной защиты.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с комплексной защитой.

Ключевые слова:

комплексная защита, защита неплатежеспособных обвиняемых, эффективность оценки программы, социальные услуги, общественная защита, соцобеспечение, правовые и внеправовые потребности граждан

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Лепаж, К. Р. (2024). Измерение эффективности комплексной защиты: предоставление социальных услуг и результаты системы правосудия. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(2), 517–534. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.517-534>

Scientific article

C. R. Lepage¹

¹ California State University, East Bay, USA

Measuring effectiveness of holistic defense: social service provision and justice system outcomes

Translator E. N. Belyaeva

Cory R. Lepage, California State University, East Bay, Department of Criminal Justice Administration, 25800 Carlos Bee Boulevard, Hayward, CA, 94542, USA
E-mail: cory.lepage@csueastbay.edu

Abstract

Objective: to analyze the efficiency of a holistic defense model and to elaborate recommendations for improving its mechanism.

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical and sociological.

Results: a holistic public defense model is more comprehensive than a traditional model of public defense representation. Holistic defense seeks to address extralegal needs that are a nexus to the criminal charge rather than focusing solely on addressing the current criminal charge of the individual. This model is a collaborative approach that has traditionally included social workers and civil legal workers in a team approach with a criminal lawyer. Prior research on holistic defense has demonstrated efficacy in addressing individuals' social and legal needs thus reducing recidivism and justice system costs.

The article was first published in English language by Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. For more information please contact: CCJLS@WesternCriminology.org

For original publication: Lepage, C. R. (2023). Measuring effectiveness of holistic defense: social service provision and justice system outcomes. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 24(1), 38–51.

Publication URL: <https://doi.org/10.54555/ccjls.7115.73939>

Scientific novelty: this research describes and evaluates a pilot project of a holistic defense model employed in Southwest Alaska and outlines similar models in use in other jurisdictions in the United States. This evaluation supports previous research that indicates the importance of addressing defendants' extralegal needs in reducing recidivism and costs while improving individual case outcomes. The author also discusses the policy implications of the model and provides recommendations to enhance future evaluations of a holistic defense model.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to holistic defense.

Keywords:

holistic defense, indigent defense, program evaluation effectiveness, social services, public defense, social security, social welfare, legal and extralegal needs of citizens

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Lepage, C. R. (2024). Measuring effectiveness of holistic defense: social service provision and justice system outcomes. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(2), 517–534. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.517-534>

Введение

Комплексная защита – это вид услуги общественной защиты, которая фокусируется на правовых и внеправовых потребностях граждан, обвиняемых в совершении преступления и имеющих законное право на предоставление общественной защиты. Эта модель общественной защиты не нова; она зародилась в начале XX в. в результате сотрудничества социальных работников и общественных защитников в интересах членов местного сообщества (Bost, 1932; Bradway, 1929; Collins, 1932; Pound, 1927; Woods, 1905). Однако в последние несколько десятилетий наблюдается повышенное внимание к данной стратегии сотрудничества между социальными работниками и общественными защитниками. Такой всплеск интереса к комплексному сотрудничеству в деле защиты уязвимых слоев населения еще раз демонстрирует преимущества вовлечения социальных работников в процесс общественной защиты с целью выявления социальных потребностей указанных граждан при взаимодействии с системой уголовного правосудия (Clarke, 2001; Deck, 2016; Steinberg & Feige, 2002).

Традиционная общественная защита. Одним из самых существенных отличий между *традиционной и комплексной моделями* общественной защиты является направленность каждой модели. При традиционной защите, особенно общественной, фокус внимания направлен на само дело, а адвокат по уголовным делам выстраивает стратегию защиты для конкретного уголовного правонарушения (Harris, 2020; Lee et al., 2015). Задачей традиционного общественного защитника является обеспечение юридического представительства для подзащитного по конкретным обвинениям, независимо от побочных факторов, которые могли привести к этому обвинению. Одним из недостатков традиционной модели защиты, фокусирующейся на параметрах дела, является прохождение некоторыми обвиняемыми повторяющегося цикла в системе правосудия. Они подвергаются аресту, обвиняются в преступлении, выпускаются из-под стражи в результате сделки о признании вины, затем снова арестовываются по тем же обвинениям, и цикл повторяется. Традиционная модель защиты не учитывает побочных факторов или внеправовых потребностей, которые и привели к попаданию обвиняемого в систему уголовного правосудия.

Внеправовые потребности. Важно признать, что обвиняемые могут иметь внеправовые потребности, которые приводят к тому, что многие из них проходят повторяющиеся циклы в системе правосудия. Для клиентов общественных защитников часто характерно, что их обвинение вытекает из их неудовлетворенных внеправовых нужд. А именно указанные нужды непосредственно привели к совершению правонарушения, но традиционная общественная защита, сосредоточенная лишь на деталях конкретного дела, не учитывает

исходных причин и, следовательно, не может предотвратить будущие правонарушения. Этот механизм частично объясняет, почему маргинализированные члены сообщества раз за разом сталкиваются с системой правосудия (Lipsky, 2010; Steinberg & Feige, 2002). Многие обвиняемые в мелких правонарушениях часто признают свою вину и отбывают заключение в течение тридцати дней (Pratt, 2017).

Кроме того, традиционные общественные защитники обычно действуют быстро, стремясь в короткий срок оказать услугу своему клиенту; напротив, модели комплексной защиты долгосрочные, а работающие по ним юристы нацелены на удовлетворение внеправовых нужд клиента, которые могли привести к его столкновению с судебной системой (Harris, 2020). Комплексная защита ориентирована на клиента; она берет начало в истории местных сообществ середины прошлого века и задействует такой компонент, как роль сообщества в обеспечении общественной защиты. «Комплексная адвокатская деятельность» приводит к осознанию того, что обвиняемые могут иметь дополнительные социальные потребности, приводящие к криминальному поведению. Учет этих потребностей невозможен без более широкого подхода, включающего участие социального работника, что не входит в спектр услуг при традиционной общественной защите (Galowitz, 1999).

Модель комплексной защиты. Одной из целей комплексной защиты и всего движения за ее применение является предотвращение «порочного круга» в системе правосудия путем определения и учета внеправовых нужд клиентов (Harris, 2020; Steinberg & Feige, 2002). Модель комплексной защиты может до некоторой степени изменить линию жизни обвиняемого, решая те внеправовые проблемы, которые создают нестабильность в жизни людей, часто обусловленные социальными обстоятельствами бедности и неблагоприятного окружения (Harris, 2020). Среди таких нужд можно отметить нерешенные проблемы психического и физического здоровья (Duncan & Kawachi, 2018), безработицы (Wilson, 1987), употребления психотропных веществ (Boardman et al., 2001; Karkiker-Jaffe, 2011), небезопасного места жительства (Shaw & McKay, 1942), недостаточной социальной поддержки (Turney & Harknett, 2010).

Одним из методов решения этих внеправовых проблем со стороны комплексной защиты является участие сообщества. Этот компонент предполагает, что проблемы обвиняемого могут быть симптомами жизни в самом этом сообществе; при этом ресурсы всего сообщества используются для решения этих проблем. Таким образом, следует признать, что модель комплексной защиты включает социальное обеспечение на уровне местного сообщества, что не входит в традиционную модель общественной защиты. Кроме того, отдельный общественный защитник может не знать о соответствующих ресурсах данного сообщества, поэтому модель комплексной защиты требует участия социальных служб. Таким образом, компонент модели комплексной защиты, касающийся местного сообщества, требует высокого уровня компетенций в мультидисциплинарном практическом использовании ресурсов местного сообщества (Clarke, 2001; Craige & Saur, 1981; Galowitz, 1999; Steinberg, 2013).

Характеристики модели комплексной защиты включают клиентоориентированность, работу в команде, мультидисциплинарность, ориентированность на местное сообщество (Harris, 2020); они могут отличаться по своей выраженности, глубине и степени использования в качестве функции конкретных нужд клиента и ресурсов сообщества. Хотя модели комплексной защиты могут различаться, главные цели остаются неизменными: это более благоприятные исходы уголовных дел, стабилизация качества жизни, сокращение рецидивизма (Anderson et al., 2019; Buchanan & Orme, 2019; Harris, 2020; Wilson, 2000; Wald, 1972).

Модель комплексной защиты основывается на теории терапевтической юриспруденции. Элементы этой модели используются в судах по решению проблем (таких как суды по делам о наркотиках, суды по проблемам психического здоровья, суды местных сообществ). Терапевтическая юриспруденция состоит в «изучении роли закона как терапевтического средства» (Winick, 1997. P. 185). Признается, что закон как таковой может рассматриваться и действовать как терапевтическое или антитерапевтическое средство путем его применения в правовых условиях. Применяя правовые нормы и процедуры, работники судебной системы (т. е. адвокаты и судьи) опосредованно оказывают влияние, терапевтическое или нетерапевтическое, на обвиняемых по уголовным делам, с которыми они взаимодействуют (Wexler, 1993; Winick, 1997). Одной из целей терапевтической юриспруденции является изучение этого влияния, чтобы определить, возможно ли усилить терапевтический эффект и уменьшить антитерапевтические последствия, не нарушая конституционные нормы надлежащего судопроизводства (Winick, 1997). Принципы терапевтической юриспруденции прошли путь развития от процессов с участием психически нездоровых людей к изучению таких социальных обстоятельств с пси-

хологическими компонентами, как уголовная виктимизация (Wiebe, 1996), а также защита по гражданским делам, включая семейное право, защиту прав потребителей и другие сферы (Erez et al., 2011; Winick, 1997).

Терапевтические суды. Движение за развитие терапевтических судов началось с появлением судов по делам о наркотиках в конце 1980-х гг. и включало в себя модели судов по проблемам психического здоровья, которые существовали во многих юрисдикциях по всей стране. Одна из точек приложения модели терапевтических судов – это внеправовые нужды правонарушителей. Модели терапевтических судов ориентированы в большей степени на клиента, чем на детали дела (Goldkamp, 1999; Turner et al., 2001), их целью является повышение качества жизни участников судебного процесса и удовлетворение внеправовых нужд клиента, помимо разрешения конкретного дела на заседании суда (Longshore et al., 2001). В частности, многие модели судов по проблемам психического здоровья используют командный подход, когда представители обвинения, защиты, судья и социальные работники пытаются определить потребности клиента в области психического здоровья и удовлетворить эти потребности, используя ресурсы сообщества (Denckla & Berman, 2001; Goldkamp & Irons-Guynn, 2000; Poythress et al., 2002). При оценке эффективности этих моделей терапевтических судов используются различные критерии. Они могут включать оценки качества жизни, такие как диагноз психического здоровья и назначение медикаментозных средств в рамках этого диагноза, что дополняет традиционный критерий уровня рецидивизма. Оценки, включающие определение и удовлетворение указанных внеправовых нужд, показывают, что данные модели эффективно снижают уровень рецидивизма путем учета потребностей клиента, что не достигается при традиционных судебных процедурах (Goldkamp & Irons-Guynn, 2000).

Как показали проводившиеся оценки других комплексных/терапевтических моделей, таких как суды по делам о наркотиках и суды по проблемам психического здоровья, возможно сопоставить характеристики каждой модели комплексной защиты, чтобы определить, насколько эффективно они позволяют достичь целей соответствующей модели и конкретной программы. Оценки моделей терапевтических судов включают определение и предоставление услуг как цель и задачу программы модели; они расцениваются как успешные, если модель придерживается этого основного принципа как компонента модели суда. В отличие от терапевтических моделей, модель комплексной защиты до сих пор не была изучена в большом количестве работ, позволяющих оценить достижение поставленных перед ней целей.

Модель общественной защиты Бронкса. Движение за разработку и внедрение моделей комплексной защиты придерживается мультидисциплинарной стратегии сотрудничества в деле определения внеправовых нужд клиента и предоставления клиенту социальных услуг для их удовлетворения. Модель общественной защиты Бронкса является одной из первых моделей этого движения (Anderson et al., 2019; Harris, 2020). Хотя она признана успешной (Steinberg, 2013), необходимо изучить также другие аналогичные модели, чтобы определить, какая из них является наиболее эффективной для достижения целей комплексной защиты. Стратегия сотрудничества по предоставлению социальных услуг носит название «Защитники Бронкса» (The Bronx Defenders, 2015); в ней задействована команда, состоящая из адвокатов по уголовным, гражданским, семейным делам, по делам иммигрантов, а также специалистов без юридического образования (Anderson et al., 2019; The Bronx Defenders, 2015). Данная модель опирается на четыре принципа предоставления услуг клиентам: беспрепятственный доступ к услугам в области правовой и социальной поддержки, динамическая междисциплинарная коммуникация, адвокаты с навыками междисциплинарной работы, глубокое понимание и прочная связь с местным сообществом (The Bronx Defenders, 2015; Steinberg, 2013). Хотя эти четыре принципа лежат в основе данной программы, модель является динамичной в том отношении, что предоставляемые услуги определяются потребностями клиента. Каждый клиент имеет свои уникальные нужды и требует индивидуального подхода в предоставлении совместных услуг и использовании местных ресурсов. При оценке этой модели было проведено сравнение клиентов стратегии «Защитники Бронкса» и клиентов, получавших услуги в организации «Правовая помощь» в Бронксе, Нью-Йорк. Первая модель является комплексной, а вторая – более традиционной моделью общественной защиты (Anderson et al., 2019). Результаты оценки показали, что клиенты первой модели с меньшей вероятностью оказывались за решеткой, а если объявлялись, то получали меньшие сроки; таким образом, для них исходы дел были более благоприятными, а уровень тюремного заключения – ниже (Anderson et al., 2019). При сравнении двух групп по уровню рецидивизма отсутствовала ключевая переменная – определение нерешенных внеправовых проблем клиентов модели «Защитники Бронкса», включая услуги, предоставленные им с целью решения этих проблем. Поскольку модель «Защитники Бронкса» по своей природе являлась более комплексной, чем традиционная модель «Правовой помощи»,

можно предположить, что клиенты первой модели имели более тесную связь с социальным обеспечением в своем сообществе, чем клиенты второй модели.

Модель комплексной защиты Санта-Барбары. В Санта-Барбаре, штат Калифорния, была недавно внедрена и оценена модель комплексной защиты, в большей степени нацеленная на предоставление услуг клиентам. Как и в случае модели «Защитники Бронкса», в модели Санта-Барбары использовалась мультидисциплинарная стратегия сотрудничества для удовлетворения потребностей клиентов, обвиненных в совершении преступления. Применялся уникальный для каждого клиента подход к предоставлению услуг. Каждый клиент работал с адвокатом и социальным работником и «нес ответственность за определение желаемых исходов дела и результатов стабилизации жизненной ситуации и за работу по их достижению» (Harris, 2020. P. 805). Среди нерешенных внеправовых проблем клиентов моделей комплексной защиты выделяются такие категории, как занятость, жилье, психическое здоровье, злоупотребление психотропными веществами; при работе с этими проблемами используются когнитивные, эмоциональные, физические и символические ресурсы сообщества (Link & Phelan, 1995; Massey & Brodmann, 2014). Уникальность модели Санта-Барбары состоит в том, что при ее оценке признаются долгосрочные формулы успешности, которые игнорируются, когда под успешностью подразумевается только снижение уровня рецидивизма. Для участников модели комплексной защиты Санта-Барбары было характерно повышение числа снятых обвинений и снижение числа признаний своей вины по сравнению с контрольной группой (Harris, 2020). Попытки решения внеправовых проблем клиентов имели важное значение, поскольку даже короткое тюремное заключение может причинить долгосрочный вред, включая «снижение общественной поддержки, сокращение возможностей трудоустройства, более низкую оплату труда, нестабильность жилищных условий, ущемление гражданских прав, ухудшение психического и физического здоровья» (Harris, 2020. P. 821). Краткосрочное лишение свободы может также оказать разрушительный эффект на семейную жизнь и положение в сообществе, повлиять на школьную успеваемость и здоровье детей, качество взаимоотношений, политические взгляды (Comfort, 2016; Harris, 2020; Kirk & Wakefield, 2018; Pinard & Thompson, 2005; Turney & Conner, 2019). Комплексная модель защиты может воздействовать на те внеправовые нужды клиента, которые и послужили толчком к совершению правонарушения; она может оказать значительное влияние на жизнь гражданина и всего сообщества, уменьшая вероятность краткосрочного тюремного заключения.

Другие модели оценки комплексной защиты. Помимо модели Бронкса, необходимо отметить ряд других способов оценки моделей комплексной общественной защиты. Это оценка деятельности социальных работников и служб соцобеспечения (Buchanan & Nooe, 2017) и оценка моделей с точки зрения клиентов (Davidson et al., 2022; Phillippi et al., 2022).

Анализ моделей комплексной защиты с точки зрения практики социальной работы указывает на существование общего компонента, включающего комплексную стратегию ориентации на клиента и на сообщество. Так, одна из исследуемых комплексных моделей – это служба муниципального права по проблемам общественной защиты округа Нокс. Ключевым компонентом комплексного подхода является сотрудничество общественных защитников с социальными службами в отношении психологических и правовых проблем обвиняемых (Buchanan & Nooe, 2017). Авторы приходят к выводу, что оценить точное число юрисдикций, применяющих модель комплексной общественной защиты, непросто, однако предварительные исследования показывают, что «общественные защитники все более охотно используют эту модель и признают, что социальные работники являются важными членами команды защиты» (Buchanan & Nooe, 2017. P. 338).

Другая важная точка зрения при обсуждении эффективности модели комплексной общественной защиты – это восприятие указанной модели ее клиентами. Данные подтверждают, что использование этой модели улучшает исходы дел для клиентов, однако лишь в очень небольшом числе исследований рассматриваются мнения клиентов о модели комплексной защиты (Davidson et al., 2022). Общественные защитники, обращающие внимание на мнение своих подзащитных, включая степень их удовлетворенности, пользуются большим доверием своих клиентов. Доверительные взаимоотношения между общественным защитником и клиентом представляют собой важный побочный продукт модели комплексной защиты, зачастую отсутствующий в рамках традиционной модели юридического представительства. В одном из исследований интервью с обвиняемыми, получавшими защиту по традиционной и комплексной моделям, показали, что «модель комплексной защиты предоставляет реальные способы налаживания доверительных отношений с клиентами, облегчает восприятие норм процессуального права, улучшает правовые и внеправовые результаты дела для клиентов,

повышает удовлетворенность клиентов» (Davidson et al., 2022. P. 128). Авторы приходят к выводу, что модель комплексной защиты более совершенна, она имеет выраженную ориентацию на клиента и долгосрочные последствия процесса, включая качество жизни, тогда как традиционная модель сосредоточена на материалах дела. Кроме того, в других работах изучалось восприятие модели комплексной защиты несовершеннолетними правонарушителями и их родителями или опекунами. Для этих категорий исследовались как степень удовлетворенности, так и показатели жизненных результатов. Было обнаружено, что «комплексная защита воспринимается положительно по параметру удовлетворенности клиентов» (Phillippi et al., 2022. P. 145).

Представленная модель

Общая информация. Проект комплексной защиты Бетела, организованный по образцу программы общественных защитников Бронкса, был создан как попытка определить наличие каких-либо нерешенных социальных проблем обвиняемых по уголовным делам и решить эти проблемы. Импульс проекту был дан в результате успешной деятельности «Защитников Бронкса» и Центра комплексной защиты, о которой стало известно представителям Корпорации правовых служб Аляски (*Alaska Legal Services Corporation, ALSC*), Агентства общественной защиты штата (*State Public Defender Agency, PDA*) и Фонда Аляски по проблемам психического здоровья (*Alaska Mental Health Trust Authority, АКМНТА*). Модель Бронкса, сочетающая принципы клиентоориентированности и стратегии судов по проблемам психического здоровья, представлялась более жизнеспособным подходом к тому, чтобы признать наличие нерешенных правовых и внеправовых проблем обвиняемых и попытаться решить эти проблемы. При этом следует отметить, что модели комплексной защиты отличаются от принципов судов по проблемам психического здоровья тем, что предлагаемые и предоставляемые услуги не являются обязательными по решению суда. Таким образом, в рамках модели комплексной защиты оказание услуг происходит не под наблюдением суда. Этот клиентоориентированный подход, применяемый в судах по проблемам психического здоровья, берет начало в структуре совместных специализированных судов, первым из которых был суд по делам о наркотиках, созданный в 1980-е гг. в округе Дейд, штат Флорида (Goldkamp, 1999; Longshore et al., 2001).

Задачей проекта было разработать и применить пилотную программу комплексной защиты в регионе Бетел, штат Аляска. В команду проекта входили ученый из университета, представители Корпорации правовых служб Аляски (в том числе адвокат по гражданским делам из Бетела), Агентства общественной защиты штата (в том числе общественный защитник из Бетела) и Фонда Аляски по проблемам психического здоровья (в том числе социальный работник из Бетела). При обсуждении пилотного проекта команда опиралась на работы, посвященные успешным моделям специализированных судов (Goldkamp & Irons-Guynn, 2000; Steinberg & Feige, 2002; Turner et al., 2001) и моделям комплексной защиты со всей страны. Характеристики этих моделей включали клиентоориентированность и внимание к правовым и внеправовым проблемам обвиняемых, осуществляемые социальным работником без наблюдения суда. Зачастую именно нерешенные внеправовые проблемы, такие как недоступность лечения от алкогольной и наркотической зависимости и психических заболеваний, проблемы с жильем или трудоустройством, толкают граждан на правонарушения. В юго-западном регионе Аляски маловероятно учреждение или поддержание работы нового суда по проблемам психического здоровья, поскольку численность населения мала, а площадь региона очень большая; поэтому Фонд Аляски по проблемам психического здоровья в сотрудничестве с Агентством общественной защиты штата, Корпорацией правовых служб Аляски и Ассоциацией специалистов соцслужб (*Social Services Specialist, SSS*) согласился финансировать пилотный проект в Бетел, направленный на адаптацию модели комплексной общественной защиты Бронкса к условиям региона Бетел.

Регион Бетел в штате Аляска покрывает территорию около 41 тысячи квадратных миль, что примерно равно территории штата Огайо. В регионе расположены сельские поселения западной Аляски. Регион входит в более крупную административную единицу Юкон-Кускоквим, в которой находятся 56 деревень. Эта сельская местность не имеет автодорожной связи с соседними регионами, в нее можно попасть только самолетом или по воде. Благодаря этому плотность населения очень низка – 0,4 человека на квадратную милю (AlaskaWeb, 2015). Коренными жителями Аляски являются 84 % населения региона; около четверти (23,5 %) жителей – малообеспеченные, и почти пятая часть (16,8 %) жителей моложе 65 лет не имеют медицинской страховки (U.S. Census Bureau, 2021).

Адаптация модели Бронкса к социально-географическим условиям региона Бетел потребовала значительных усилий, так как население здесь гораздо более сельское, чем в Бронксе. Кроме того, коренные жители Аляски имеют иные культурные параметры, включая социально-экономические характеристики и отношение к психическому здоровью. Многие жители региона, которые потенциально могли бы участвовать в пилотном проекте, получали пособия от фонда психического здоровья Аляски; это означает, что существует высокая вероятность наличия нерешенных проблем с психическим здоровьем у многих жителей, которые могли бы претендовать на получение социального обеспечения по этому критерию. Кроме того, жители Аляски, и региона Бетел в частности, имеют более высокие показатели употребления психоактивных веществ, чем население других штатов, поэтому существовала высокая вероятность наличия нерешенных проблем с лечением от зависимостей, которые могла решить данная программа.

Была установлена необходимость включить в модель, помимо цели снижения рецидивизма, также цели, связанные с другими результатами деятельности судебной системы. В соответствии с комплексными аспектами структуры программы система оценки включала определение и удовлетворение внеправовых нужд в качестве меры успешности проекта. Исследовались цели, связанные с аспектом качества жизни, в том числе нерешенные социальные проблемы клиентов, которые могли повлиять на совершение ими преступлений. Со снижением рецидивизма были связаны такие параметры, как затраты судебной системы, точнее, экономия этих затрат как показатель успешности пилотного проекта, способный повлиять на решения о будущем финансировании и развитии программы. Сюда входило сокращение количества дней, проведенных в заключении, а также снижение времени, затраченного специалистами в области уголовного правосудия на работу с делом (Lerage & May, 2017).

Подготовительный этап, длившийся в течение года, позволил сформулировать обязанности и полномочия каждого участника проекта. Для потенциальных клиентов были определены критерии участия и механизмы изучения. Была разработана процедура коммуникации и координации деятельности различных служб с соблюдением конфиденциальности потенциальных клиентов, с возможностью выявления нерешенных внеправовых проблем и определения того, какие службы могут потенциально решить эти проблемы.

Оценка представленной модели

Дизайн и применение модели. Уникальность данного пилотного проекта, по сравнению с другими моделями комплексной защиты, состоит в том, что в его методологии используется истинная рандомизация. Общественный защитник штата подтвердил методологическую строгость применения рандомизации в дизайне эксперимента и одобрил данную методологию для пилотного проекта. Обсуждались также этические аспекты использования данного метода рандомизации и практические стороны его применения в контексте сельского региона Бетел. Одной из проблем стал сбор демографической информации среди сельского населения и опасения, что конкретных членов сообщества можно будет определить по материалам отчетов о проекте. Также необходимо было обосновать лишение контрольной группы доступа к социальным службам в сочетании с предоставлением обязательного по закону представительства по уголовным делам. Кроме того, достоверность исследования требовала строго придерживаться принципа истинной рандомизации; исследователи подчеркивали, что любой отход от него мог привести к необъективности и разрушить валидность результатов. Во время подготовительного этапа в дизайн исследования были внесены изменения. Формы согласия на обработку персональных данных и соглашения о соблюдении конфиденциальности при обмене данными между службами были подготовлены исследователем из университета и другими членами команды проекта. После утверждения проекта в Совете университета также были внесены поправки, результатом которых стали следующие критерии включения и процедуры.

Для включения в пилотный проект гражданин должен иметь проблему в области социального обеспечения или гражданско-правовую проблему, которая могла привести к текущему уголовному обвинению и давала право на предоставление общественного защитника по уголовному делу. Сферы таких проблем включали жилье, медицинскую помощь, образование, семью, занятость, финансы, права индейцев. Если критерии включения в программу присутствовали, общественный защитник спрашивал гражданина, желает ли он участвовать в программе и в исследовании ее эффективности. В случае согласия общественный защитник получал письменное подтверждение гражданина по утвержденной форме. Затем гражданину присваивался

уникальный номер (например, 16001, 16002, 16003 и т. д.) без указания идентифицирующей информации. Общественный защитник направлял исследователю форму согласия и сообщал этот номер в целях рандомизации. Затем исследователь сообщал общественному защитнику о включении данного дела в контрольную или экспериментальную группу.

Участникам из контрольной и экспериментальной групп предоставлялся обязательный по закону общественный защитник по уголовным делам от Агентства общественной защиты штата, однако лишь в отношении участников из экспериментальной группы выявлялась необходимость социального обеспечения, гражданских и внеправовых услуг, и эти услуги оказывались им совместно Корпорацией правовых служб Аляски и Агентством общественной защиты штата силами адвоката по гражданским делам и социального работника. Участники из контрольной группы не получали гражданско-правовых и социальных услуг, кроме обязательного по закону представительства по уголовным делам. На этапе сбора информации Агентство общественной защиты штата и Корпорация правовых служб Аляски запрашивали данные участников относительно выявленных потребностей, о типе дополнительных гражданско-правовых услуг, предоставляемых Корпорацией правовых служб Аляски, и социальных услуг, оказываемых социальными службами. А именно собирались данные о количестве обращений в каждое конкретное агентство и о типе предоставленных гражданско-правовых услуг. Для дальнейшего анализа передавались лишь укрупненные данные без какой-либо идентифицирующей информации.

Данные. Данные об участниках программы собирались с марта 2017 по апрель 2018 г. Для оценки пилотного проекта использовались данные 81 дела, из них 33 из контрольной и 48 из экспериментальной группы. Параметры сбора данных совпадали с моделью «Защитники Бронкса» для обеспечения валидности и достоверности эксперимента. Как и в модели Бронкса, критериями эффективности служил не только уровень рецидивизма, но и показатели качества жизни, такие как выявление и удовлетворение внеправовых нужд. Из-за сельского характера населения и возможности идентификации участников программы демографические данные не собирались, чтобы обеспечить конфиденциальность участников как на этапе исследования, так и последующего использования его материалов. Среди собираемых данных были причины обращения к пилотному проекту и тип дела. Для участников из экспериментальной группы собирались данные об услугах, предоставленных в изучаемый период, включая как социальные, так и гражданско-правовые. Кроме того, для всех участников собирались данные о результатах деятельности судебной системы, включая количество дней, проведенных в заключении, количество назначений общественного защитника до и после участия в программе и продолжительность работы с конкретными уголовными делами. Данные о рецидивизме собирались относительно всех новых обвинений, предъявленных после включения в программу, хотя необходимо отметить, что период сбора данных составлял всего 13 месяцев.

Результаты исследования

Причины участия. Причины участия в пилотном проекте комплексной защиты были разнообразными; они указывались участниками обеих групп. Некоторые участники указывали больше одной причины, поэтому их общее количество превышает количество участников (табл. 1).

В целом по выборке наиболее частыми причинами (95 %) были семейные и наследственные дела (25 %), общие гражданско-правовые дела (22 %), льготы по инвалидности (21 %), жилье (15 %), социальные льготы (12 %). Для участников из контрольной группы наиболее частыми причинами (97 %) были общие гражданско-правовые дела (30 %), льготы по инвалидности (22 %), семейные и наследственные дела (22 %), социальные льготы (16 %), жилье (8 %). Для участников из экспериментальной группы наиболее частыми причинами (93 %) были семейные и наследственные дела (26 %), льготы по инвалидности (25 %), общие гражданско-правовые дела (18 %), жилье (14 %), социальные льготы (10 %). Эти данные показывают, что подавляющее большинство участников проекта как из контрольной, так и из экспериментальной групп имели потенциально не решенные проблемы в гражданско-правовой и социальной сфере, которые могли стать причиной их столкновения с системой уголовного правосудия. Для участников пилотного проекта было важно определить тип получателя льгот. В отношении участников из экспериментальной группы выявлялись и удовлетворялись гражданско-правовые и социальные нужды в ходе этапа оценки результативности проекта.

Причины участия
Table 1. Referral Reason

Причины участия – вся выборка / Reason for Referral-All	Количество / f	%
Семейные и наследственные дела / Family Law and Probate	27	24,8
Общие гражданско-правовые дела / General Civil	24	22,0
Льготы по инвалидности / Disability Benefits	23	21,1
Жилье / Housing	16	14,7
Социальные льготы / Public Benefits	13	11,9
Особые образовательные потребности / Special Education Issue	5	4,6
Причины участия – контрольная группа / Reason for Referral-Control		
Общие гражданско-правовые дела / General Civil	11	29,7
Льготы по инвалидности / Disability Benefits	8	21,6
Семейные и наследственные дела / Family Law and Probate	8	21,6
Социальные льготы / Public Benefits	6	16,2
Жилье / Housing	3	8,1
Особые образовательные потребности / Special Education Issue	1	2,7
Причины участия – экспериментальная группа / Reason for Referral-Experimental		
Семейные и наследственные дела / Family Law and Probate	19	26,4
Льготы по инвалидности / Disability Benefits	18	25,0
Общие гражданско-правовые дела / General Civil	13	18,1
Жилье / Housing	10	13,9
Социальные льготы / Public Benefits	7	9,7
Особые образовательные потребности / Special Education Issue	4	5,6

Типы дел и получатели льгот. Исходя из дизайна проекта, лица, включенные в программу, были получателями льгот от Фонда Аляски по проблемам психического здоровья, которые при этом не участвовали в работе терапевтического суда в регионе. Все получатели льгот от Фонда являлись жителями данного региона, имеющими одно или несколько из следующих состояний: психическое заболевание, умственная отсталость, хронический алкоголизм или наркотическая зависимость, болезнь Альцгеймера с сопутствующей деменцией, травматическое поражение мозга (табл. 2). Фонд Аляски по проблемам психического здоровья выступает от имени получателей льгот в процессе координирования услуг по данным состояниям, но не занимается оказанием индивидуальных услуг.

Для выборки в целом четверть самыми частыми причинами для получения льгот явились хронический алкоголизм (48 %), проблемы с психическим здоровьем (35 %), умственная отсталость (16 %) и травматическое поражение мозга (менее 1 %). Такое же соотношение частоты этих причин наблюдалось в экспериментальной и контрольной группах. В контрольной группе наиболее часто за получением льгот обращались хронические алкоголики (52 %), лица с психическими нарушениями (33 %) и умственной отсталостью (14 %). В экспериментальной группе самыми частыми основаниями для получения льгот были хронический алкоголизм (46 %), наличие психических нарушений (36 %), умственная отсталость (17 %) и травматическое поражение мозга (1 %).

Предоставленные услуги. Участникам из экспериментальной группы были оказаны услуги в области их внеправовых нужд. Участники обеих групп получали обязательные по закону услуги общественного защитника по их уголовным делам. Участникам из экспериментальной группы были предоставлены услуги специалиста по социальному обеспечению (аналогичные услугам социального работника) и гражданско-правовые услуги адвоката по гражданским делам (табл. 3). Поскольку многие участники экспериментальной группы имели более одной социальной или гражданско-правовой потребности, то количество оказанных услуг значительно превышало количество участников экспериментальной группы.

Таблица 2

Типы получателей льгот
Table 2. Beneficiary Case Type

Типы получателей льгот – вся выборка / Beneficiary Type-All	Количество / f	%
Хронический алкоголизм / Chronic Inebriant	57	47,9
Психическое здоровье / Mental Health	42	35,3
Умственная отсталость / Developmental Disability	19	16,0
Травматическое поражение мозга / Traumatic Brain Injury	1	0,8
Типы получателей льгот – контрольная группа / Beneficiary Type-Control		
Хронический алкоголизм / Chronic Inebriant	22	52,4
Психическое здоровье / Mental Health	14	33,3
Умственная отсталость / Developmental Disability	6	14,3
Типы получателей льгот – экспериментальная группа / Beneficiary Type-Experimental		
Хронический алкоголизм / Chronic Inebriant	35	45,5
Психическое здоровье / Mental Health	28	36,4
Умственная отсталость / Developmental Disability	13	16,9
Травматическое поражение мозга / Traumatic Brain Injury	1	1,3

Таблица 3

Предоставленные услуги
Table 3. Services Provided

Предоставленные услуги / Services Provided	Количество / f	%
Ведение дела / Case Management	25	12,0
Помощь с оценкой психического здоровья / Assistance with Assessment	23	11,1
Направление в другие службы / Referral to Other Services	23	11,1
Социальная история / Social History	23	11,1
Помощь в получении льгот / Benefits Assistance	20	9,6
Назначение пособия на ребенка / Child Support Application	14	6,7
Сопровождение во время лечения / Escort	12	5,8
Оформление документов / Document Procurement	11	5,3
Развод/Опека / Divorce/Custody	8	3,8
Постановка на учет по улучшению жилищных условий / Housing Identification	8	3,8

Всего было оказано 208 отдельных социальных и гражданско-правовых услуг; при этом большинство из них (80 %) попадают в одну из 10 категорий: ведение дела (12 %), помощь с оценкой психического здоровья (11 %), направление в другие службы (11 %), составление социальной истории для выявления потребностей и услуг (11 %), помощь в получении льгот (10 %), подаче заявления для назначения пособия на ребенка (7 %), сопровождение во время лечения (6 %), помощь в получении документов (удостоверение личности, свидетельство о рождении и пр., 5 %), помощь при оформлении развода/опеки (4 %), выявление жилищных потребностей (4 %).

Проект комплексной защиты и эффективность предоставления социальных услуг. Для участников экспериментальной группы было введено два типа измеряемых показателей: результаты проекта комплексной защиты, связанные с услугами адвоката по гражданским делам (табл. 4), и результаты социальных услуг,

связанные с услугами специалиста по социальному обеспечению (табл. 5). Как и в случае оказания услуг, для многих участников указывалось более одного измеряемого показателя, так как они получали как социальные, так и гражданско-правовые услуги.

Что касается результатов проекта комплексной защиты, большинство (75 %) всех измеряемых показателей попали в одну из 11 категорий. Наиболее частыми услугами были получение медицинской страховки (19 %), получение пособия на продукты питания (15 %), снижение задолженности (6 %), подача заявления на соцобеспечение (4 %) и подача заявления о защите от домашнего насилия (4 %).

Таблица 4

Результаты проекта комплексной защиты
Tables 4. Holistic Defense Project Outcomes

Результаты проекта комплексной защиты / Holistic Defense Project Outcomes	Количество / f	%
Получение медицинской страховки / Medicaid Acquired	17	18,7
Получение пособия на продукты питания / Food Stamp Acquired	13	14,3
Снижение задолженности / Debt Reduction	5	5,5
Подача заявления на соцобеспечение / SSI Application Filed	4	4,4
Подача заявления о защите от домашнего насилия / Domestic Violence Protection Order	4	4,4
Подтверждение отцовства / Paternity	3	3,3
Обращение за помощью в связи с депрессией / PFD Appeal	3	3,3
Услуги для лиц с умственной отсталостью / Developmental Disability Services	2	2,2
Дополнительное финансовое пособие / SSI Funded	2	2,2
Увеличение пособия на ребенка / Child Support Gain	2	2,2
Восстановление права собственности / Property Recovered	2	2,2
Смена имени / Name Change	2	2,2
Снижение размера алиментов / Child Support Reduction	2	2,2
Получение временной помощи нуждающимся семьям / TANF	2	2,2
Трудоустройство / Employment	2	2,2
Освобождение от ответственности / General Relief	1	1,1
Получение налогового вычета / APA Acquired	1	1,1
Оформление опеки / Custody Acquired	1	1,1
Возмещение вреда / Grievance Resolved	1	1,1

Что касается измеряемых показателей в области социальных услуг, то 80 % самых распространенных из них относились к пяти категориям. Самыми частыми были определение потребности (21 %), определение ресурсов (21 %), начало лечения (14 %), получение социальных льгот (13 %), прекращение уголовного дела (10 %).

Таблица 5

Результаты предоставления социальных услуг
Table 5. Social Services Outcomes

Результаты предоставления социальных услуг / Social Service Outcomes	Количество / f	%
Выявленные потребности / Needs Identified	24	20,7
Выявленные ресурсы / Resources Identified	24	20,7
Начато лечение / Entered Treatment	16	13,8
Получены социальные льготы / Public Benefits Acquired	15	12,9
Дело закрыто / Case Dismissed	12	10,3

Результаты в рамках системы правосудия. Сравнение результатов проекта в рамках системы правосудия выявило ряд интересных различий между участниками контрольной и экспериментальной групп. Изучаемые параметры включали среднее количество дней, проведенных в заключении после включения в проект, число назначений общественного защитника до и после участия в программе, а также количество новых обвинений по уголовным делам и приговоров по ним (табл. 6).

Многим участникам пилотного проекта не пришлось провести ни одного дня в заключении в период сбора данных: 78 % членов контрольной и 64 % членов экспериментальной групп. После включения в программу наблюдалась небольшое, статистически незначимое различие в количестве дней, проведенных в заключении, между двумя группами, что говорит о крайне незначительном или практически отсутствующем влиянии программы на этот параметр. Участники из экспериментальной группы провели в заключении в среднем 20 дней, из контрольной – 22 дня (табл. 6).

Участники из экспериментальной группы имели в среднем меньшее количество назначений общественного защитника (шесть до и менее одного после включения в программу) по сравнению с участниками из контрольной группы (более пяти назначений до и почти два после начала участия в программе). Однако по числу новых уголовных обвинений, выдвинутых после начала участия в программе, участники из экспериментальной группы (0,4) слегка опередили участников из контрольной группы (0). Среди тех, кому были выдвинуты обвинения после начала участия в программе, не было вынесено ни одного приговора в обеих группах. В среднем дела участников из экспериментальной группы закрывались немного раньше (за 2,25 месяца), чем дела участников из контрольной группы (за 2,75 месяца) (табл. 6). Анализ результатов в рамках системы правосудия не выявил статистически значимых различий между группами.

Таблица 6

Результаты в рамках системы правосудия
Table 6. Justice System Outcomes

Результаты в рамках системы правосудия / Justice System Outcomes	Контрольная группа (в среднем) / Control (Mean)	Экспериментальная группа (в среднем) / Experimental (Mean)
Количество дней в заключении после участия в проекте / Post days in jail	22,40	20,77
Новые обвинения / New Charges	0,00	0,46
Назначение общественного защитника до участия в проекте / Prior PD appointments	5,54	6,30
Назначение общественного защитника после участия в проекте / Post PD appointments	1,70	0,41
Период закрытия дела (месяцев) / How long to close a case (in months)	2,75	2,25

Обсуждение

Сравнение показателей рецидивизма и результатов проекта. При определении эффективности модели в рамках данного исследования может возникнуть вопрос, почему наблюдается улучшение показателей по предложенным критериям, но не по критерию уровня рецидивизма. Многие, если не все участники данного исследования имели проблемы с психическим здоровьем и/или употреблением психоактивных веществ, что повлияло на их контакты с системой уголовного правосудия. Воздержание от противоправных действий – процесс, занимающий больше времени, и это время не может быть определено. По мере стабилизации жизненных условий людей можно ожидать снижение уровня рецидивизма (Giordano et al., 2002; Harris & Harding, 2019; Paternoster & Bushway, 2009). Проект комплексной защиты в регионе Бетел – это ограниченный пилотный проект с небольшим периодом времени для сбора данных. Поэтому не удивительно, что были невелики или вовсе отсутствовали различия между группами по количеству дней, проведенных в заключении, и другим традиционным параметрам рецидивизма, связанным с результатами системы правосудия. В будущих про-

граммах и проектах следует увеличить сроки последующего наблюдения за участниками, чтобы получить более полную картину в отношении рецидивизма (Anderson et al., 2019).

Более существенный вопрос, связанный с результатами данного пилотного проекта, следующий: если уровень рецидивизма не снизился, то в чем значение эксперимента? Во-первых, значение состоит в возможностях комплексной защиты снижать вероятность последующего тюремного заключения для лиц с долгой историей взаимоотношений с системой уголовного правосудия (Harris, 2020). Калифорния и другие штаты постепенно отказываются от системы освобождения под денежный залог, которая широко используется на досудебном этапе; в результате на первый план выходят инструменты оценки риска взамен освобождения под денежный залог. При этом предыдущие эпизоды тюремного заключения снижают вероятность досудебного освобождения в настоящем. В таких случаях комплексная защита может снизить вероятность заключения при последующих задержаниях путем отсутствия заключения в настоящем или снижения категории преступления с тяжкого до мисдиминора (Harris, 2020). Это важный аспект, поскольку заключение на досудебном этапе положительно коррелирует с более тяжкими исходами дела (Dobbie et al., 2018; Heaton et al., 2017). Таким образом, применение модели комплексной защиты способно прервать повторяющийся цикл в системе правосудия, в который попадают некоторые лица.

Во-вторых, значение эксперимента заключается в более глобальной цели предоставления услуг данной категории правонарушителей. Для них существует высокая вероятность того, что на их первоначальный контакт с системой уголовного правосудия повлияли внеправовые факторы. В настоящем исследовании были выявлены внеправовые социальные нужды почти половины участников, и им были предоставлены соответствующие ресурсы. Были удовлетворены потребности в жилье, участники начали лечение от алкогольной и наркотической зависимостей, получили необходимые социальные льготы, на которые имели законное право, а в некоторых случаях произошло прекращение уголовного судопроизводства. Если социальные внеправовые факторы могут быть исключены, то значение проекта состоит как в возможности искоренения проблем с системой уголовного правосудия в будущем, так и в повышении качества жизни данных лиц.

Ограничения. Настоящее исследование дополняет знания об эффективности комплексной модели общественной защиты и является уникальным по своей методологии истинной рандомизации, однако оно не лишено ограничений. Во-первых, размер выборки в данном пилотном проекте был невелик – всего 81 дело, 33 из которых вошли в контрольную группу, а 48 дел составили экспериментальную группу. При таком небольшом размере выборки невозможно провести более сложный статистический анализ. При планировании и разработке дизайна проекта мы рассчитывали на 200–300 участников, подходящих по критериям; эта оценка была основана на количестве судебных дел в предыдущие годы, соответствующих требованиям проекта. Кроме того, имея большую выборку, можно было бы определить, проявляются ли наблюдаемые эффекты в тех же объемах, что и в других моделях, в частности, моделях Бронкса и Санта-Барбары. Во-вторых, в случае малой выборки невозможно обобщить результаты пилотного проекта. Это ограничение проекта, однако следует помнить, что данный проект разрабатывался как модель комплексной защиты и основа для будущих исследований по данной тематике. Задачей проекта было проверить применимость методологии истинной рандомизации на примере сельского населения. Кроме того, как это часто бывает при разработке и реализации программ, команда проекта предвидела значительные расхождения и проблемы при переходе от этапа разработки к этапу реализации пилотного проекта.

Третьим ограничением исследования является недостаток качественных данных для анализа. Качественные данные, а именно интервью с участниками программы, были бы очень ценны для оценки влияния программы. Во время стадии разработки дизайна пилотного проекта мы намеревались провести интервью с участниками после завершения программы. Были составлены вопросы для интервью по образцу вопросов, использовавшихся в проекте Бронкса, описанном выше. Они были модифицированы с учетом сельского характера населения и культурного контекста региона, в котором проводился пилотный проект. Однако в процессе осуществления проекта была выявлена нехватка времени для проведения интервью, так как в течение 13 месяцев осуществлялся сбор данных. Но такое ограничение работы, как отсутствие качественных данных, дает ценную рекомендацию для будущих исследований: оценка модели комплексной защиты должна включать сбор и анализ качественных данных.

Наконец, мы не получили подтверждения гипотезы о снижении уровня рецидивизма, что частично объясняется малым размером выборки и недостатком качественных данных в рамках проекта. Одним из тео-

ретических оснований комплексной модели общественной защиты, как и терапевтического правосудия, на которой она базируется, является постулат о том, что удовлетворение внеправовых нужд правонарушителей, которые у них имеются при контакте с системой уголовного правосудия, должно в итоге снижать уровень рецидивизма среди этой категории населения. Хотя ряд других исследований подтверждают эту теорию и ее можно считать доказанной, результаты нашего пилотного проекта не позволяют сделать такие выводы.

Заключение

Дальнейшие оценки комплексной защиты. Необходимость дополнительных оценок моделей комплексной защиты обусловлена тем, что все больше юрисдикций рассматривают возможности применения таких моделей. Наше исследование представляло собой краткосрочный пилотный проект; таким образом, его продолжительность, объем самого проекта и последующей программы его оценки были ограничены. Сильной стороной проекта и его оценки явилась его методология; в социологических исследованиях нечасто используется истинная рандомизация при распределении участников в контрольную и экспериментальную группы. Метод рандомизированного контролируемого испытания был рекомендован в других работах для оценки комплексной защиты (Harris, 2020). Наш пилотный проект показал, что использование рандомизации осуществимо при условии соответствующей поддержки заинтересованных лиц, участвующих в таком проекте. Концепция комплексной защиты состоит в долгосрочном вмешательстве мультидисциплинарного и клиентоориентированного характера (Harris, 2020), а значит, она требует согласованной работы команды исследователей и практиков с целью определения и оценки эффективности такого комплексного подхода. Результаты нашей работы подтверждают существующие представления о потенциальных возможностях комплексной защиты для снижения рецидивизма и улучшения исходов дел, однако будущие исследования должны включать долгосрочные показатели качества жизни, традиционно связанные с аспектами воздержания и стабилизации жизни (Harris, 2018; Lee et al., 2015); в частности, они должны использовать более совершенные определения и методы оценки эффективности. Понятие рецидивизма многогранно, оно может определяться по-разному в зависимости от изучаемых категорий населения, особенно таких, для которых нерешенные внеправовые социальные нужды могут послужить толчком для контакта с системой уголовного правосудия. Если у человека нет постоянного жилья, будет ли бродяжничество считаться рецидивизмом (Mitchell, 1997)? Если человек страдает от зависимости, будет ли считаться рецидивизмом срыв, если это часть процесса восстановления? Мультидисциплинарная команда специалистов должна рассмотреть и четко определить эти аспекты в будущих исследованиях.

Практические выводы. Повторяющиеся циклы правосудия приносят огромный ущерб судебной системе. Модели комплексной защиты потенциально способны снизить затраты системы правосудия путем удовлетворения внеправовых потребностей этой категории правонарушителей. Определение этих потребностей и предоставление ресурсов для их удовлетворения улучшает исходы дел и может принести значительные экономические и социальные выгоды. Однако следует учесть, что эти выгоды не могут быть реализованы в краткосрочной перспективе. Стабилизация жизненных условий и улучшение исходов дел – это долгосрочная стратегия, развертывание и получение результатов которой занимает месяцы и годы. Экономия средств, которую можно оценить за короткое время, заключается, в частности, в сокращении сроков рассмотрения дел. Сотрудники судебной системы (адвокаты, судьи, судебные клерки, приставы и т. д.) тратят на каждое из дел время, которое можно представить как переменную, высчитать и выразить в денежном эквиваленте, чтобы оценить экономию средств. В нашем исследовании дела участников экспериментальной группы рассматривались и завершались за более короткое время, чем дела участников контрольной группы (за 2,25 и 2,75 месяца соответственно). Разница во времени может показаться незначительной, однако экономия средств возрастает экспоненциально, если учесть количество лиц, которые могут получить комплексную защиту. Небольшое сокращение времени, затраченного на каждое дело, дает огромную экономию в масштабах всей судебной системы (Lepage & May, 2017).

Наконец, представленную модель комплексной защиты можно воспроизвести в различных юрисдикциях с различными категориями населения. Именно географический аспект выявляет потенциал данной модели. Каждая юрисдикция отличается своими условиями; в некоторых существуют полноценные службы общественной защиты, в других для этого привлекают частных адвокатов. Кроме того, уровень услуг различается в зависимости от региона (Hipp et al., 2010). Юрисдикции, где применялась и оценивалась модель комплексной защиты, а именно Бронкс (Нью-Йорк), Санта-Барбара (штат Калифорния), Бетел (штат Аляска), имеют ряд

ключевых различий. Программа комплексной защиты Бронкса (Нью-Йорк) послужила образцом для других регионов; компоненты модели Бронкса были адаптированы для полугородских условий Санта-Барбары и сельских районов Бетел, куда можно добраться только на самолете или по воде. Различные географические контексты, в которых применялась модель комплексной защиты, также говорят о высокой степени ее адаптивности к различным стилям жизни и традициям населения разных юрисдикций. Жители Бронкса, очевидно, значительно отличаются в социальном, экономическом и культурном отношении от жителей как Санта-Барбары, так и Бетела, однако, как было показано, модель комплексной защиты удалось адаптировать к каждой из этих юрисдикций. Это свидетельствует о возможности адаптировать модель ко многим другим юрисдикциям по всей стране, независимо от географических или социальных условий.

Список литературы / References

- AlaskaWeb. (2015). *Bethel census area*. <http://www.alaskaweb.org/boros/bethel.html>
- Anderson, J., Buenaventura, M., & Heaton, P. (2019). The effects of holistic defense on criminal justice outcomes. *Harvard Law Review*, 132(3), 819–893. <https://www.jstor.org/stable/26799674>
- Boardman, J. D., Finch, B. K., Ellison, C. G., Williams, D. R., & Jackson, J. D. (2001). Neighborhood disadvantage, stress, and drug use among adults. *Journal of Health and Social Behavior*, 42(2), 151–165. <https://www.jstor.org/stable/3090175>
- Bost, H. W. (1932). Relationship between law and social work. In H. M. London (Ed.), *Proceedings of the thirty-fourth annual session of the North Carolina Bar Association* (pp. 148–161). Edwards and Broughton Company.
- Bradway, J. S. (1929). *Law and social work: An introduction to the study of the legal-social field for social workers*. University of Chicago Press.
- Buchanan, S., & Nooe, R. (2017). Defining social work within holistic public defense: Challenges and implications for practice. *Social Work*, 62(4), 333–339. <https://www.jstor.org/stable/10.2307/48558922>
- Buchanan, S., & Orme, J. (2019). Impact of social work practice in public defense. *Journal of Social Service Research*, 45(3), 336–347. <https://doi.org/10.1080/01488376.2018.1480559>
- Clarke, C. (2001). Problem-solving defenders in the community: Expanding the conceptual and institutional boundaries of providing counsel to the poor. *Georgetown Journal of Legal Ethics*, 14(2), 401–458.
- Collins, R. E. (1932). Contribution of social work to parole preparation. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 22(6), 864–872. <https://www.jstor.org/stable/1136179>
- Comfort, M. (2016). A twenty-hour-a-day-job: The impact of frequent low-level criminal justice involvement on family life. *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*, 665(1), 63–79. <https://www.jstor.org/stable/24756090>
- Craige, H. B., & Saur, W. G. (1981). The contribution of social workers to legal services programs. *Clearinghouse Review*, 14, 1267–1274.
- Davidson, K. M., Ostrom, B. J., & Kleiman, M. (2022). Client perspectives of holistic defense: Strengthening procedural justice through enhanced client trust. *Justice System Journal*, 43(1), 128–150. <https://doi.org/10.1080/0098261X.2022.2062582>
- Deck, P. (2016). Ethics-Law and social work: Reconciling conflicting ethical obligations between two seemingly opposing disciplines to create a collaborative law practice. *Western New England Law Review*, 38(2), 261–283. <http://digitalcommons.law.wne.edu/lawreview/vol38/iss2/3>
- Denckla, D., & Berman, G. (2001). *Rethinking the revolving door: A look at mental illnesses in the courts*. Center for Court Innovation. <https://www.innovatingjustice.org/sites/default/files/rethinkingtherevolvingdoor.pdf>
- Dobbie, W., Goldin, J., & Yang, C. S. (2018). The effects of pretrial detention on conviction, future crime, and employment: Evidence from randomly assigned judges. *American Economic Review*, 108(2), 201–240. <https://www.jstor.org/stable/10.2307/26527904>
- Duncan, D. T., & Kawachi, I. (2018). *Neighborhoods and health* (2nd ed.). Oxford University Press.
- Erez, E., Kilchling, M., & Wemmers, J. (Eds.). (2011). *Therapeutic jurisprudence and victim participation in justice*. Carolina Academic Press.
- Galowitz, P. (1999). Collaboration between lawyers and social workers: Re-examining the nature and potential of the relationship. *Fordham Law Review*, 67(5), 2121–2154. <https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol67/iss5/16>
- Giordano, P. C., Cernkovich, S. A., & Rudolph, J. L. (2002). Gender, crime, and desistance: Toward a theory of cognitive transformation. *American Journal of Sociology*, 107(4), 990–1064. <https://www.jstor.org/stable/10.1086/343191>
- Goldkamp, J. S. (1999). Challenges for research and innovation: When is a drug court not a drug court? In W. T. Clinton (Ed.), *The early drug courts: Case studies in judicial innovation* (pp. 166–177). Sage Publications.
- Goldkamp, J. S., & Irons-Guynn, C. (2000). *Emerging judicial strategies for the mentally ill in the criminal caseload: Mental health courts in Fort Lauderdale, Seattle, San Bernardino, and Anchorage (NCJ182504)*. U.S. Department of Justice, Bureau of Justice Assistance. <https://www.ojp.gov/pdffiles1/bja/182504.pdf>
- Harris, H. (2018). *Adult Holistic Defense Case Management Program evaluation: Final report to the Arnold Foundation*. <https://www.chhs.ca.gov/wp-content/uploads/2017/06/IST-Workshop/Holistic-Defense-Pilot-Overview.pdf>

- Harris, H. (2020). Building holistic defense: The design and evaluation of a social work centric model of public defense. *Criminal Justice Policy Review*, 31(6), 800–832. <https://doi.org/10.1177/0887403420916228>
- Harris, H. M., & Harding, D. J. (2019). Racial inequality in the transition to adulthood after prison. *The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*, 5(1), 223–254. <https://muse.jhu.edu/article/720082>
- Heaton, P., Mayson, S. G., & Stevenson, M. (2017). The downstream consequences of misdemeanor pretrial detention. *Stanford Law Review*, 69(3), 711–794.
- Hipp, J. R., Petersilia, J., & Turner, S. (2010). Parolee recidivism in California: The effect of neighborhood context and social service agency characteristics. *Criminology*, 48(4), 947–979. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2010.00209.x>
- Karriker-Jaffe, K. J. (2011). Areas of disadvantage: A systematic review of effects of area-level socioeconomic status on substance use outcomes. *Drug and Alcohol Review*, 30(1), 84–95. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/?MC3057656/pdf/nihms209092.pdf>
- Kirk, D. S., & Wakefield, S. (2018). Collateral consequences of punishment: A critical review and path forward. *Annual Review of Criminology*, 1, 171–194. <https://doi.org/10.1146/annurev-criminol-032317-092045>
- Lee, C. G., Ostrom, G. J., & Kleiman, M. (2015). The measure of good lawyering: Evaluating holistic defense in practice. *Albany Law Review*, 78(3), 1215–1238.
- Lepage, C. R. (2023). Measuring effectiveness of holistic defense: social service provision and justice system outcomes. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 24(1), 38–51.
- Lepage, C. R., & May, J. D. (2017). The Anchorage, Alaska Municipal Pretrial Diversion Program: An initial assessment. *Alaska Law Review*, 34(1), 1–26.
- Link, B. G., & Phelan, J. (1995). Social conditions as fundamental causes of disease. *Journal of Health and Social Behavior, Extra Issue*, 80–94. <https://www.jstor.org/stable/2626958>
- Lipsky, M. (2010). *Street-level bureaucracy: Dilemmas of the individual in public services*. Russell Sage.
- Longshore, D., Turner, S., Wenzel, S., Morral, A., Harrell, A., McBride, D., Deschenes, E., & Iguchi, M. (2001). Drug courts: A conceptual framework. *Journal of Drug Issues*, 31(1), 725. <https://doi.org/10.1177/002204260103100103>
- Massey, D. S., & Brodman, S. (2014). *Spheres of influence*. Russell Sage Foundation.
- Mitchell, D. (1997). The annihilation of space by law: The roots and implications of anti-homelessness laws in the United States. *Antipode*, 29(3), 303–335. <https://doi.org/10.1111/1467-8330.00048>
- Paternoster, R., & Bushway, S. (2009). Desistance and the feared self: Toward an identity theory of criminal desistance. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 99(4), 1103–1156. <https://www.jstor.org/stable/20685067>
- Phillippi, S., Berman, J., Thomas, C., Beiter, K., & Test, A. (2022). Youth and parental perceptions of a holistic juvenile public defense model. *Youth Justice*, 22(2), 145–165. <https://doi.org/10.1177/1473225420938138>
- Pinard, M., & Thompson, A. C. (2005). Offender reentry and the collateral consequences of criminal convictions: An introduction. *New York University Review of Law and Social Change*, 30(4), 585–620.
- Pound, R. (1927). Law and social work. *Indiana Law Journal*, 3(3), 183–195.
- Poythress, N., Petrila, J., McHaha, A., & Boothroyd, R. (2002). Perceived coercion and procedural justice in the Broward mental health court. *International Journal of Law and Psychiatry*, 25(5), 517–533. [https://doi.org/10.1016/S0160-2527\(01\)00110-8](https://doi.org/10.1016/S0160-2527(01)00110-8)
- Pratt, V. (2017). *How judges can show respect* [Video]. TED Conferences. https://www.ted.com/talks/victoria_pratt_how_judges_can_show_respect?language=en
- Shaw, C. R., & McKay, H. D. (1942). *Juvenile delinquency and urban areas*. University of Chicago Press.
- Steinberg, R. (2013). Heeding Gideon's call in the twenty-first century: Holistic defense and the new public defense paradigm. *Washington and Lee Law Review*, 70(2), 961–1047.
- Steinberg, R., & Feige, D. (2002). *Cultural revolution: Transforming the public defender's office* (NCJ 193773). Executive Session on Public Defense, Harvard University. <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/cultural-revolution-transforming-public-defenders-office>
- The Bronx Defenders. (2015). *Holistic defense, defined*. <https://www.bronxdefenders.org/holistic-defense/>
- Turner, S., Longshore, D., Wenzel, S., Fain, T., Morral, A., & Deschenes, E. (2001). *A National Evaluation of 14 Drug Courts* (DRU-2637-NIJ). RAND.
- Turney, K., & Conner, E. (2019). Jail incarceration: A common and consequential form of criminal justice contact. *Annual Review of Criminology*, 2, 265–290. <https://doi.org/10.1146/annurev-criminol-011518-024601>
- Turney, K., & Harknett, K. (2010). Neighborhood disadvantage, residential stability, and perceptions of instrumental support among new mothers. *Journal of Family Issues*, 31(4), 499–524. <https://doi.org/10.1177/0192513X09347992>
- United States Census Bureau. (2021). *Quick facts: Bethel census area*. <https://www.census.gov/quickfacts/bethelcensusareaalaska>
- Wald, M. S. (1972). The use of social workers in a public defender office: An evaluation of the offender rehabilitation project of the public defender office for Santa Clara County, California. *Law Enforcement Assistance Administration*. <https://www.ojp.gov/pdffiles1/Digitization/70138NCJRS.pdf>
- Wexler, D. B. (1993). Therapeutic jurisprudence and the criminal courts. *Williams and Mary Law Review*, 35(1), 279–299.
- Wiebe, R. P. (1996). The mental health implications of crime victims' rights. In B. D. Sales & D. W. Shuman (Eds.), *Law, mental health, and mental disorder* (pp. 414–448). Brooks/Cole Publishing Co.

Wilson, R. J. (2000). *Improving criminal justice systems through expanded strategies and innovative collaborations: Report of the National Symposium on Indigent Defense* (NCJ 181344). Office of Justice Programs, Bureau of Justice Assistance. <https://www.ojp.gov/pdffiles1/Digitization/181344NCJRS.pdf>

Wilson, W. J. (1987). *The truly disadvantaged: The inner city, the underclass, and public policy*. University of Chicago Press.

Winick, B. J. (1997). The jurisprudence of therapeutic jurisprudence. *Psychology, Public Policy, and Law*, 3(1), 184–206. <https://doi.org/10.1037/1076-897L3.L184>

Woods, R. A. (1905). Social work: A new profession. *International Journal of Ethics*, 16(1), 25–29. <https://doi.org/10.1086/inteithi.16.L2376200>

Об авторе

Кори Р. Лепаж, PhD, является ассистентом преподавателя кафедры уголовного правосудия Университета штата Калифорния в Ист-Бэй. Его научные интересы сосредоточены в таких областях, как уголовный процесс, судебные ассесоры, сельское правосудие, общественно-правовые дисциплины, общественная реакция на преступления через процесс криминализации. Кроме того, значительная часть его исследований посвящена оценке программ по сокращению или предотвращению преступного поведения и рецидивизма.

About the author

Cory R. Lepage, PhD, is an Assistant Professor in the Department of Criminal Justice at California State University, East Bay. His research areas of expertise are concentrated in the areas of the criminal adjudication process, lay judges, rural justice, sociolegal studies, and social reaction to crime via the criminalization process. Additionally, much of his practical research has focused on program evaluations of efforts to deter or mitigate criminal behavior and recidivism.

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

Дата поступления / Received 22.04.2023

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 12.05.2024

Дата принятия в печать / Accepted 20.05.2024